PG 3310
.R39
1807

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

РАЗГОВОРЫ

ВЪ

ЦАРСТВѢ МЕРТВЫХЪ

ЕКАТЕРИНЫ Великія съ Императоромъ ПЕТРОМЪ Великимъ, съ Людовикомъ XVI, Королемъ Французскимъ, и Фридрихомъ Великимъ, Королемъ Прусскимъ.

Переводъ съ Французскаго.

МОСКВА,
Въ Типографіи С. Селивановскаго,
1807.

PG3310
.R39
1807

Съ дозволенія
Санктпетербургскаго Ценсурнаго
Комитета.

88-131415
04-15-88
EP62

РАЗГОВОРЫ

ВЪ ЦАРСТВѢ МЕРТВЫХЪ

ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКІЯ.*

Благодаря гибельному духу мечтательнаго равенства, царствующему въ Европѣ, на мрачныхъ берегахъ Ахерона всечастно стекаются тѣни безчисленными толпами. Угрюмый Харонъ удвоилъ лодку свою; уменьшилъ, уничтожилъ почти всѣ часы, нужные для успокоенія; но со всѣмъ

---

* Оригиналъ писанъ вскорѣ послѣ ея кончины.

тѣмъ не можетъ успѣть въ своей должности. Онъ привыкъ грузить тѣни по цѣлымъ тысячамъ. Но вообразите себѣ его удивленіе: шестаго Ноября приходитъ на берегъ женщина: печать величія блистаетъ на челѣ ея: всѣ уклоняются съ почтеніемъ и даютъ ей свободную дорогу. Она приближилась къ Харону, поставила ногу въ его лодку и — едва, едва не пошли на дно Харонъ и лодка. — Кто Ты, вскричалъ удивленный перевощикъ полей Елисейскихъ? Отъ чего Ты одна тянешь болѣе цѣлыхъ тысячь этихъ тѣней, изъ которыхъ нѣкоторыя конечно блестѣли очень на томъ свѣтѣ? Кто я?... сказала вздохнувши, величественная тѣнь. Я была *всс* за нѣсколько минутъ. Здѣсь всѣмъ равная, но первая въ томъ мірѣ, который я

оставила.—Понимаю, сказалъ Харонъ, Ты ЕКАТЕРИНА! Признаюсь, я не ожидалъ Тебя такъ скоро; Ты оставила блестящій санъ въ мірѣ; но Ты знаешь, что добродѣтели лишь тамъ (указывая за Ахеронъ на поля Елисейскія) обладаютъ истиннымъ величіемъ. Безмѣрная тяжесть Твоя принуждаетъ меня перевозить Тебя одну; но удовольствіе говорить съ величайшею женщиною въ свѣтѣ заплатитъ мнѣ за трудъ мой. Я увѣряю Тебя, что не многимъ дѣлаю честь сію; Ты конечно не возгордишься этимъ чистосердечнымъ признаніемъ. Ты привыкла къ обворожительнымъ блескамъ лести; но это истина: я говорю всегда ея голосомъ. Мнѣ попадается такое множество ничтожныхъ, которые думали много о себѣ на томъ свѣтѣ, но которые,

скинувши съ себя верхнюю одежду, являются сюда легче пуху, такъ что я совсѣмъ ихъ и не примѣчаю; но подобные тебѣ не часто мнѣ встрѣчаются. Окончавши сіи слова, просилъ онъ Императрицу Всероссійскую єсть осторожнѣе, боясь, чтобы малѣйшее ея движеніе не потопило его; онъ сильно ударяетъ весломъ и удаляется отъ берега, къ великому неудовольствію оставшихся, которымъ не слишкомъ пріятно его дожидаться.

РАЗГОВОРЪ I.

ЕКАТЕРИНА и ХАРОНЪ.

ХАРОНЪ.

Ежели бы всякой день доставались мнѣ такія тяжелыя тѣни, какъ Ты, то будь увѣрена, что не взирая на мое любопытство, должность моя была бы мнѣ великою тягостью; но, къ щастью моему, нынче большая часть тѣней, сюда приходящихъ, легче вѣтра.

ЕКАТЕРИНА.

Ежели бы я была на престолѣ, то могла бы думать, что ты льстишь Мнѣ; но ты, который никого не хвалишь ложно, скажи Мнѣ: отъ чего ты такъ высоко цѣнишь величіе, которое здѣсь должно бы ни за что почитаться? Ежели бы Я была посреди пышныхъ блесковъ престола Моего, то слова бы твои почитали

должностію; но теперь..... Я все оставила сокровища, почести, власть; одна память Моя осталась со Мною. Признаюсь: Я въ первой еще разъ зачинаю трепетать о судьбѣ имени Моего. —

ХАРОНЪ.

Ободрись, ЕКАТЕРИНА! люди, которые будутъ разсуждать о Тебѣ, Тебя не бояся и ничего отъ Тебя не надѣясь, конечно не будутъ столько же превозносить Тебя, сколько тѣ, которые ползали предъ Твоимъ престоломъ; но не взирая на то, слава Твоя будетъ всегда огромнымъ колоссомъ. Твой вѣкъ, есть вѣкъ Пигмѣевъ, и величіе Твое тѣмъ больше будетъ примѣтно.

ЕКАТЕРИНА.

Но скажи Мнѣ: какимъ бременемъ

отягощаю я такъ сильно твою лодку? —

ХАРОНЪ.

Тяжестью неизмѣримаго Твоего Генія.... Внимай истинѣ, которую вы смертные всегда опвергаете. Богатства, почести, слава, уважаемыя на земли, здѣсь почитаются ничтожествомъ; онѣ умираютъ вмѣстѣ съ вами: жаль что вы пустые призраки почитаете благомъ истиннымъ. Однѣ достоинства и добродѣтели, такъ мало цѣнимыя вами въ томъ мірѣ, остаются нетлѣнными и живутъ послѣ разрушенія бреннаго состава вашего. Великая душа Твоя, пространный Геній Твой обременяютъ теперь мою лодку и готовы почти погрузить ее. Шесть тысячь лѣтъ отправляю я мою должность, но во все это время ни двад-

цати разъ не испытала такого труда, какъ съ Тобою. —

ЕКАТЕРИНА.

Я признаюсь: мнѣ лестенъ трудъ твой, лестна хвала твоя; ибо ты говоришь всегда голосомъ истинны. Во время жизни Моей много Я слыхала льстивыхъ похвалъ, много славныхъ Писателей превозносили до небесъ имя Мое; но мудрено ли, что хвалятъ Государей при ихъ жизни? Рука ихъ есть неизчерпаемый источникъ блестящихъ почестей и плѣнительнаго золота.... Харонъ! ты знаешь, что нѣсколько минутъ назадъ Я была женщиною; и такъ не удивись любопытству Моему, позволь спросить о имени тѣхъ великихъ людей, съ которыми ты такъ трудился.

ХАРОНЪ.

Съ радостію разскажу тебѣ имена ихъ, и мнѣ сладко повторять названія благодѣтелей человѣчества. Тяжелыя тѣни всегда бывали очень рѣдки, но мнѣ кажется, что онѣ часъ отъ часу становятся еще рѣже; и ежели бы Фридрихъ и Ты не сошли на эти берега, то бы я совершенно подумалъ, что этотъ вѣкъ, боготворя разумъ, отрекся совсѣмъ отъ Генія. — Первый, котораго принужденъ я былъ перевозить одного, былъ слѣпой. Онъ зналъ лучше меня всю здѣшнюю сторону, но со всѣмъ тѣмъ мы на силу могли пристать къ берегу. — Я такъ усталъ съ нимъ, что весло упало изъ рукъ моихъ. Второй назывался Юліемъ Кесаремъ. О! какой это человѣкъ!.... Потъ текъ съ меня градомъ, когда я пе-

ревозилъ его. Потомъ Карлъ Великій стоилъ мнѣ труда ужаснаго. Невтонъ, Лейбницъ, Корнелій стоили мнѣ всей силы плеча моего. Одинъ изъ предковъ Твоихъ, который мощною рукою взялъ цѣлое царство изъ нѣдръ небытія, воздвигнулъ и поставилъ сіяющимъ, вѣчнымъ солнцемъ посреди всѣхъ царствъ земныхъ, потопилъ было меня съ лодкою. Потомъ пришелъ Фридрихъ, который столько забавлялъ меня во время пути своими разсказами, что я совершенно забылъ весь трудъ мой.... Послѣ него везъ я еще одну тяжелую тѣнь....

ЕКАТЕРИНА.

Послѣ Фридриха?...

ХАРОНЪ.

Я ужъ сказалъ Тебѣ, что добродѣтель почитается здѣсь всего выше,

что она одна дѣлаетъ здѣсь истинное величіе.... Ты видишь печаль на челѣ моемъ: я жалѣю искренно послѣ Тебя оставшихся; но перевозя ту тѣнь два раза не могъ я пристать къ берегу; слезы мои, о ней проливаемыя, мѣшали мнѣ видѣть пристань.

ЕКАТЕРИНА.

А! понимаю. Это Людвигъ XVI. Кто кромѣ его могъ извлечь слезы изъ глазъ твоихъ? Харонъ! смерть его и Мнѣ причинила лютую горесть; ты знаешь: ежели бы это зависѣло отъ Екатерины.....

ХАРОНЪ.

Знаю, что Ты не изъ числа тѣхъ Монарховъ, которые веселились его бѣдами и искали извлечь изъ нихъ личныя пользы: онъ самъ мнѣ это сказывалъ.

ЕКАТЕРИНА.

Мнѣ мило, что онъ и умирая умѣлъ отдавать мнѣ справедливость. Харонъ! ты сказалъ Мнѣ, что однѣ добродѣтели и Геній высоко цѣнятся въ здѣшнемъ мрачномъ Государствѣ; но глубокая наука, обширный разумъ, превосходное мужество развѣ ни во что здѣсь вмѣняются?

ХАРОНЪ.

Мы и имъ отдаемъ приличную цѣну; но однакожь они одни не могутъ составить полнаго груза моей лодки. Ежели предстанетъ мнѣ тѣнь, которая имѣла сіи достоинства, то я всегда жду другой, которая въ томъ мірѣ была ей помощницею въ достиженіи славы. На примѣръ: я перевозилъ вмѣстѣ Августа и Виргилія, Генриха IV и Суллія и проч....

ЕКАТЕРИНА.

А тѣхъ изверговъ, которые гремѣли на землѣ одними лишь злодѣйствами?

ХАРОНЪ.

Я не осуждаю ихъ; но боясь отсрочить наказаніе, никогда не заставляю дожидаться. Они всегда первые въ моей лодкѣ и во всю дорогу не перестаютъ говорить о *филантропіи* и добродѣтели.

ЕКАТЕРИНА.

Не уже ли и здѣсь щастливыя злодѣйства прибавляютъ вѣсъ тѣнямъ?

ХАРОНЪ.

Что дѣлать? предразсудки и пустой блескъ исчезаютъ только предъ непоколебимымъ Миносомъ; только предъ его вѣчный престолъ щастливое злодѣяніе, на землѣ обожаемое, предстаетъ во всей гнусности сво-

ей.... Но до самаго его трона фортуна сопровождаетъ пѣни, и, кажется, оправдываетъ всѣ ихъ дѣянія.... Но иногда однакожь самыя злыя преступленія заглаждаются долговременными добродѣтелями. Такимъ образомъ Августъ загладилъ убійства Октавіевы; сорокъ лѣтъ безпрерывной славы и добродѣтелей замѣнили Семирамидѣ смерть Нинуса.

ЕКАТЕРИНА.

Харонъ! кто такъ долго носилъ тяжелое бремя короны, тотъ конечно достоинъ снизхожденія....

ХАРОНЪ.

Правда, правда. Миносъ всегда уважаетъ труды долговременные; онъ чувствителенъ къ славѣ; онъ умѣетъ цѣнить раскаяніе.... Но люди часто употребляютъ это во зло и въ одинъ

день думаютъ загладить злодѣйства нѣсколькихъ лѣтъ, а часто и цѣлой жизни. Они не примѣчаютъ, что тѣ, которые сначала погружены въ порокахъ и преступленіяхъ, почти никогда не въ состояніи при концѣ обратиться къ добродѣтели.

ЕКАТЕРИНА.

Правда, исторія являетъ намъ одного раскаявшагося Августа; но сколько имѣемъ мы Кромвелей, Робеспьеровъ.

ХАРОНЪ.

При этомъ адскомъ имени напомнилъ я поступокъ мой съ этимъ чудовищемъ: съ нимъ въ первый разъ предупредилъ я осужденіе Миноса .... Недавно въ моей лодкѣ, на Твоемъ мѣстѣ сидѣла одна Государыня: я посадилъ тутъ же и этого злодѣя!...

ЕКАТЕРИНА.

Какъ! ты въ одно время перевезъ убійцу и жертву его?

ХАРОНЪ.

Точно такъ; но я заставилъ его грести до другаго берега, дабы дать ему почувствовать, что самое коварное злодѣйство, рано или поздо падетъ подъ бремянемъ святой невинности.

ЕКАТЕРИНА.

Но мы приближаемся къ берегу, какое множество тѣней толпятся вокругъ его. —

ХАРОНЪ.

Здѣсь очень рѣдко видятъ лодку мою, нагруженную одною тѣнью, и онѣ прибѣгаютъ теперь для того, чтобы Тебѣ удивляться и почтить Тебя благоговѣніемъ.

ЕКАТЕРИНА.

Почтить благоговѣніемъ! — Харонъ! не напоминай мнѣ словъ, которыя такъ часто во зло употреблялись во время Моей жизни! часъ лжи прошелъ для ЕКАТЕРИНЫ. Она ждетъ часа истины, ждетъ, и не блѣднѣетъ можетъ быть. Что нужды до Моего величія этимъ тѣнямъ? Случай, почести, богатства отъ Меня уже не зависятъ, и онѣ болѣе не имѣютъ въ нихъ нужды.

ХАРОНЪ.

Тѣмъ лучше; вопъ первая безпристрастная Тебѣ встрѣча, и она должна быть тѣмъ лестнѣе: эта толпа Тебя не боится и ничего отъ тебя не надѣется, слѣдовательно и льстить Тебѣ не станетъ. Забудь совсѣмъ о тѣхъ, которыхъ оставила Ты на землѣ; они окружаютъ

теперь Твоего Наслѣдника и, будучи между страха и надежды, заняты гораздо больше Имъ, нежели Тобою.

Сія послѣдняя мысль повергла ЕКАТЕРИНУ въ задумчивость, и оба они въ молчаніи достигли берега. Благодарю тебя, сказала ЕКАТЕРИНА съ благородствомъ, принадлежавшимъ всегда больше Ея особѣ, нежели сану, и которое сохранила тѣнь Ея. По примѣру Моихъ собратій, награждающихъ всегда больше *маленькую услужливость*, нежели великія услуги, могла бы Я тебѣ обѣщать по привычкѣ.... но здѣсь нѣтъ возврата.— Я освобождаю Тебя, сказалъ Харонъ, отъ этихъ придворныхъ наградъ; благодарность умираетъ тамъ, гдѣ утухаетъ надежда, и я никогда не ожидалъ ее отъ тѣхъ, которымъ одинъ разъ только могу быть поле-

зенѣ. Прости! я возвращаюсь къ тому берегу, будучи точно увѣренъ, что не скоро достанется мнѣ везти подобную тебѣ женщину.

Утѣшенная истинною хвалою ЕКАТЕРИНА вышла на берегъ. Толпа тѣней, слыша послѣднія слова Хароновы, окружила Ее съ почтеніемъ. Куда ведутъ этѣ разныя дороги, спросила Она съ ласкою и величіемъ? Къ двумъ воротамъ, отвѣчаетъ Ей одна изъ тѣней, близь Ея находившихся, изъ которыхъ однѣ ведутъ въ поля Елисейскія, а другія въ тартаръ. Намъ не позволено еще къ нимъ приближаться, говоритъ она. На землѣ спѣшатъ осуждать смертныхъ; но здѣсь ожидаютъ съ терпѣніемъ, будучи увѣрены, что время есть истинный отецъ справедливости. Отъ того - то сужденія человѣковъ не

вѣрны и преходящи, а сужденія Миноса справедливы и вѣчны. . . . Вѣчны, повторила ЕКАТЕРИНА — ужасное слово! — Правда оно бы было ужасно, ежели бы мы безпрерывно думали о прошедшей жизни; но эта рѣка, которую ты видишь, есть рѣка Лета, рѣка забвенія. Мы не испытали силы водъ ея, и для того привязаны еще къ воспоминаніямъ; но на той сторонѣ мы будемъ умѣть цѣнить истинно ничтожное существованіе, которое мы такъ важнымъ почитали. — Но чтожъ дѣлать, спросила ЕКАТЕРИНА, до того времени, пока отвѣдаемъ мы спасительной воды Леты? — Ждать, отвѣчала тѣнь, слово скучное, несносное для смертныхъ! а въ ожиданіи наслаждаться бесѣдою съ нашими современниками, прежде насъ пришедшими, и съ нѣ-

которыми изъ предковъ нашихъ. — Съ нѣкоторыми изъ предковъ нашихъ? вскричала ЕКАТЕРИНА. Какъ! не уже ли судъ ихъ не свершенъ еще? Но чтожъ дѣлаетъ Миносъ на своемъ ужасномъ престолѣ? — Онъ занимается тѣнями прошедшаго вѣка, и, для заключенія приговора ожидаетъ голоса одного безпристрастнаго свидѣтеля, а именно *потомства*. — И такъ ПЕТРЪ Великій, Фридрихъ, Густавъ.... — Всѣ Они еще въ этихъ рощицахъ, сказала тѣнь, въ которыхъ могутъ быть однѣ только коронованныя головы. — И такъ я могу туда приближиться. — Конечно, отвѣчала тѣнь, Ты можешь войтить туда по праву Самодержицы и по праву *Великаго Монарха*.

Едва тѣнь, сопутствующая ЕКАТЕРИНѢ, произнесла сіи слова, какъ

вдругъ несмѣтная толпа кинулась, окружила Императрицу и провожала до самыхъ рощей царскихъ. Хотя сіи легкіе пары и не могли быть столько же шумны, какъ люди въ подобныхъ случаяхъ; но однако же ихъ жужжаніе, можетъ быть никогда неслыханное въ сей молчаливой сторонѣ, скоро извѣстило Царей о прибытіи славной сестры ихъ. —

ПЕТРЪ Великій прежде всѣхъ поспѣшилъ встрѣтить любезную свою Преемницу. При видѣ его ЕКАТЕРИНА забыла, что Она только тѣнь и хотѣла броситься въ его объятія. — Дочь моя, сказалъ Ей отецъ Россіи, хотя сіи восторги и оставлены однимъ только смертнымъ, но души наши повсюду и всегда достойны понимать другъ друга; ежели можно вѣрить, продолжалъ онъ, всему тому,

что я слышалъ о Тебѣ, то нетерпѣливость моя бесѣдовать съ тобою справедлива. — Удалимся отъ толпы, насъ окружающей; Я хочу говорить съ тобою о миломъ отечествѣ. Ни шестидесяти-лѣтняя разлука, ни смерть ни на минуту не изгнали его изъ Моей памяти. Я уготовалъ для Тебя обширное поле славы; разскажи мнѣ блестящіе Твои подвиги для пріобрѣтенія оной.... Проговоря сіи слова ПЕТРЪ Великій извлекаетъ ЕКАТЕРИНУ изъ толпы, ихъ окружающей; они удаляются въ уединеніе, и начинаютъ слѣдующій разговоръ.

РАЗГОВОРЪ II.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ и ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ.

ПЕТРЪ.

Я часто слыхалъ о Тебѣ, дочь моя, но будучи принужденъ не выходить изъ этихъ рощицъ, я говорилъ только съ одними Государями; и потому слышалъ только о Твоихъ съ ними трактатахъ, войнѣ и манифестахъ; но совсѣмъ ничего не знаю о законахъ и указахъ, которые издавала Ты къ благоденствію подданныхъ.

ЕКАТЕРИНА.

И такъ я думаю, что Тебѣ не всегда Меня хвалили? —

ПЕТРЪ.

Безъ сомнѣнія, всякой изъ нихъ судитъ о Тебѣ по своей политикѣ; но истинная слава переживаетъ ни-

чтожную ненависть. Многіе соглашались съ нимъ въ томъ, что Ты совершенно замѣнила Собою Меня у любезнаго народа, извлеченнаго Мною изъ невѣжества.

ЕКАТЕРИНА.

Да! Я всею силою старалась свершить то, что Ты началъ съ такою великою трудностію, и неусыпно пеклась о томъ, чтобы итти по славному пути, который проложилъ Ты.

ПЕТРЪ.

И такъ подъ Твоимъ скипетромъ мои Азіатцы сдѣлались Европейцами?

ЕКАТЕРИНА.

Они имѣютъ законы Европы и, кажется, скоро, очень скоро будутъ имѣть Европейскіе нравы и обычаи. Ты завидовалъ просвѣщенію, наукамъ и художествамъ Европы; Ты

силился обратить ихъ на нѣдра любезнаго Твоего отечества: Я возшедши на престолъ, послѣдовала Твоему примѣру и безпрерывно старалась ввести и укоренить *совершенно* нравы и обычаи, которымъ очень опасно послѣдовать въ *половину*. Но кто знаетъ: щастливѣе ли отъ того будутъ наши подданые? —

ПЕТРЪ.

Какъ! не уже ли Ты думаешь, что они будутъ нѣкогда сожалѣть о времени суевѣрія и невѣжества своего?

ЕКАТЕРИНА.

Кто знаетъ! Я очень часто въ глубокой тишинѣ Моего кабинета разсуждала объ этомъ; но желая читать далеко въ будущемъ, мы содѣлались нерѣшительны, и настоящее потеряло бы наши усилія и

попеченія, могущія иногда улучшить судьбу народовъ. Знаю однако же, что *половинное* просвѣщеніе опаснѣе самаго невѣжества. —

ПЕТРЪ.

Дочь моя! просвѣщеніе всегда открываетъ намъ истинну, а она одна можетъ показать путь къ покою и щастію. Ты чувствовала это, и всю жизнь Свою старалась о просвѣщеніи. Но есть ли благо на землѣ, котораго бы не льзя было обратить во зло? — Прежде, нежели мы бросимъ взоръ на горизонтъ, на которомъ, по словамъ приходящихъ сюда, часъ отъ часу усиливается буря, поговоримъ о Моемъ народѣ: скажи Мнѣ, что Ты для него сдѣлала? —

ЕКАТЕРИНА.

Я во всемъ старалась послѣдовать обширнымъ Твоимъ предпріятіямъ,

твой Геній служилъ Мнѣ путеводителемъ, я воспользовалась временемъ и исполнила намѣренія твои: смѣю сказать, что и сотворила много новаго.

ПЕТРЪ.

Какъ! тридцать восемь лѣтъ, протекшіе между Нашими царствованіями, не могли исполнить того, что съ такою неусыпностію, терпѣніемъ и мужествомъ начиналъ Я и приводилъ къ совершенству.

ЕКАТЕРИНА.

Нѣтъ, отецъ мой! всѣ Твои труды, все Твое искуство могли только споспѣшествовать созрѣлости народа; но одно время можетъ содѣлать его просвѣщеніе. — Монархъ можетъ повелѣть, а время можетъ увѣрить въ пользѣ повелѣній его. Ты, будучи увѣренъ въ пользѣ тво-

ихъ намѣреній, и предвидя славу великому имяни Твоему, думалъ, что надобно только предпринимать, какъ человѣку великому, и повелѣвать, какъ Царю; но Ты ошибся. — Россія, потерявши мудраго путеводителя своего, остановилась на трудномъ пути своемъ. Надобенъ былъ другой Петръ для исполненія начатаго Петромъ; наслѣдники Твои ужаснулись труднаго бремени, который былъ легокъ великому твоему Генію — и, теченіе великихъ Твоихъ намѣреній остановилось. —

ПЕТРЪ.

И такъ всѣ сладкія мечты Моей жизни изчезли, какъ сонъ, вмѣстѣ со Мною! —

ЕКАТЕРИНА.

Нѣтъ; но до Моего царствованія онѣ были оставлены въ забвеніи. Я

старалась во всю жизнь Мою мечты Твои превратить въ существенность, и надѣюсь, что во многомъ успѣла. ПЕТРЪ! Ты не оставилъ закона о наслѣдствѣ престола Твоего, и отъ того Россія нѣсколько разъ была на краю бездны. Нѣсколько разъ спасительная привычка къ Монархическому правленію предохраняла ее отъ страшнаго безначалія. Народъ, рожденный къ единовластію, всегда близокъ къ нещастіямъ, когда прерывается долгая цѣпь законныхъ его Государей.

ПЕТРЪ.

Такъ, ЕКАТЕРИНА, Я знаю, что наслѣдственность хранительница государствъ. Но Моя любовь, Моя благодарность къ супругѣ, которая столько разъ разумомъ и неустрашимостію своею извлекала Меня изъ

опасностей, столько разъ споспѣшествовала Моимъ намѣреніямъ, не позволила Мнѣ изключить отъ престола ту, которая была уже коронована.

ЕКАТЕРИНА.

Естьли народъ не знаетъ кому принадлежитъ право на престолъ, то сколько людей могутъ пожелать похитить оный, и сколько пронырливыхъ будутъ стараться сбодрять ихъ!

ПЕТРЪ.

Дочь моя! ты говоришь справедливо. Но скажи Мнѣ: какъ Ты осмѣлилась дать Русскимъ этотъ кроткой *наказъ*, которому цѣлый міръ удивляется. —

ЕКАТЕРИНА.

Презрѣвши различныя мнѣнія и противуположности тѣхъ людей, которые пользуясь и наслаждаясь

одними безпорядками, обыкновенно бываютъ врагами всякому благу. Священство, будучи занято своею должностію, не мѣшало Мнѣ учреждать законы, изъ которыхъ каждый есть новое благодѣяніе народу. Я всегда совѣтовалась съ осторожностію, судила съ разумомъ, избирала съ премудростію.—Никогда ничто не могло поколебать намѣреній Моихъ.— Непоколебимость есть добродѣтель, нужная вообще всѣмъ человѣкамъ, но особливо Царю: безъ нее онъ неспособенъ царствовать. — Признаюсь Тебѣ, Герой и Путеводитель Мой: ужасъ казней вдохнулъ въ Меня желаніе ограничить въ этомъ власть Мою. А дабы испытать, можно ли управлять Твоимъ народомъ справедливостію и снизхожденіемъ, при вступленіи на престолъ истребила

Я варварскую пытку, которая изъ невиннаго исторгаетъ тѣ же стоны, а часто и тѣ же признанія, какъ и изъ виновнаго; уничтожила казнь, противную законамъ природы и законамъ пользы государства, столь обширнаго и такъ мало населеннаго; и такимъ-то образомъ, пріучая подданныхъ Моихъ къ милосердію, приближила ихъ къ разуму и просвѣщенію. —

ПЕТРЪ.

Ты слѣдовала вмѣстѣ съ Твоимъ вѣкомъ; а Я долженъ былъ перешагнуть множество вѣковъ, чтобы достичь до Моей цѣли. Но повѣрь Мнѣ, дочь моя! ежели Я строгостію Своею иногда и затмѣвалъ славу Законодателя, то время и закоренелость Россіянъ были тому единственно причиною; къ тому же въ великой

душѣ сильная любовь къ человѣчеству превращается часто въ пылкое изступленіе. Но скажи Мнѣ, дочь моя! какъ могла ты найтить такихъ людей, которые были въ состояніи толковать премудрые Твои законы?

ЕКАТЕРИНА.

Мнѣ удалось найтить достойныхъ сотрудниковъ, но со всѣмъ тѣмъ я не думаю, чтобы зданіе, Тобою начатое, Мною было совершенно окончано. Нѣтъ, повторяю Тебѣ: Геній и власть могутъ производить чудеса; но одно время и опытность могутъ основывать щастіе народовъ.

ПЕТРЪ.

Какая печальная мысль для Законодателей! Они никогда не могутъ наслаждаться благомъ, ими насажденнымъ.

ЕКАТЕРИНА.

Точно такъ, какъ старецъ тѣнью дуба, имъ насажденнаго; но онъ надѣется, что потомки его найдутъ въ немъ защиту отъ ненастья и бури, и эта надежда животворитъ его. Архитекторъ, предпринимая великое зданіе, рѣдко видитъ окончаніе онаго. Какъ ни спѣшимъ мы исполнять наши предпріятія, но самое долгое царствованіе есть только часть нашей жизни; а вся жизнь наша очень кратка для того, чтобы успѣть предпріять, исполнить и наслаждаться.

ПЕТРЪ.

И такъ въ Монархическомъ правленіи нужна долгая, безпрерывная цѣпь Государей, способныхъ укоренять мудрые законы мудраго Законодателя, дабы устроить щастіе народное. —

ЕКАТЕРИНА.

Безъ сомнѣнія. — Могущество и способность одного Генія не могутъ совершить благоденствія государственнаго: опытность доказываетъ намъ, что многіе изъ славнѣйшихъ царствованій одолжены успѣхами своими предшественникамъ своимъ, открывшимъ имъ путь къ славѣ. На примѣръ: Ришельё былъ причиною блестящаго царствованія Людовика XIV; предусмотрительность Фридриха I уготовила величіе сыну его; безъ Тебя, можетъ быть, слава Моя никогда бы не достигла до такой степени.

ПЕТРЪ.

Мнѣ пріятны слова Твои, дочь моя! но какъ горько видѣть ту надменность невѣжества, которая не въ состояніи будучи ничего предпринять

и ничего выполнишь, все рубишь и разрушаешь по одному пустому желанію *сдѣлать все по своему*.

ЕКАТЕРИНА.

Ты говоришь правду; но эти неудобства происходятъ отъ самой природы; а люди, желая исправить ея недостатки обыкновенно впадаютъ въ большія ошибки. — Не уже ли Ты думаешь, что можно избѣжать зла раздѣляя власть самодержавную? Нѣтъ! каждый человѣкъ имѣетъ свою собственную, особенную страсть; и чѣмъ болѣе людей замѣшаны въ правленіи, тѣмъ болѣе въ немъ заблужденій и ошибокъ, соединенныхъ съ существомъ человѣческимъ. — Въ Монархіяхъ перемѣны щитаются по царствованіямъ, (каждой нововступившій на престолъ избираетъ своихъ Министровъ и перемѣняетъ по-

чии совсѣмъ правленіе) но въ новомъ родѣ правленія, который хотятъ называть *Демократическимъ*, эти опасные перемѣны случаются всякой день, всякой часъ. Первый краснорѣчивый смѣльчакъ, взошедъ на кафедру, перемѣняетъ и преображаетъ все, и именемъ самовластнаго, свободнаго народа дѣлаетъ удары Деспотическіе и ужасные.

ПЕТРЪ.

Ахъ! дочь моя! не говори Мнѣ объ этой страшной Анархіи; Мнѣ часто хотѣли изтолковать ее, но я никогда ее понять не могъ. — Возвратимся къ любезному Моему народу, который Я съ такимъ попеченіемъ старался возвысить. — Скажи Мнѣ о морскихъ его силахъ, изъ ничтожества Мною извлеченныхъ. —

ЕКАТЕРИНА.

Преемники Твои уважали предпріятіе, толико Тебѣ любезное, и Я шла вѣ семъ славномъ пути по стезямъ Твоимъ; но скажи, можно ли надѣяться быть могущимъ на морѣ пространному государству, которое имѣетъ только одну или двѣ хорошія пристани и нѣсколько береговъ, почти необитаемыхъ, на опасныхъ моряхъ?

ПЕТРЪ.

Но какая другая земля вѣ морѣ имѣетъ вѣ такомъ изобиліи все нужное кѣ построенію и оснасткѣ кораблей? Россія снабжаетъ всѣ верьфи Европейскія.

ЕКАТЕРИНА.

Все сіе изобиліе не можетъ составить морскихъ силъ тамъ, гдѣ нѣтъ мореходцовъ. Твой Геній и постоян-

ство дѣлали чудеса: воздвигали города, изрывали каналы, сотворяли порты, но не могли сотворить людей; а безъ селенія всѣ усилія, всѣ стараніи производятъ весьма малую пользу.

ПЕТРЪ.

Но развѣ торговля, о распространеніи которой Я такъ старался, не поддерживаетъ мореплаванія? Она то во время мира приготовляетъ, творитъ матросовъ для войны.

ЕКАТЕРИНА.

Торговля! и она лишъ сладкая мечта, ежели не основана на плодородіи земли и на искуствѣ жителей; мы еще не имѣли довольно заведеній для поддерживанія оной. Кто прежде времени хочетъ сотворить превосходное, тотъ почти всегда препятствуетъ доброму, которое обыкновенно требуетъ времени

и возрастаетъ медленно. Пылкое славолюбіе часто ослѣпляетъ и совращаетъ съ пути истиннаго. Всю жизнь Мою употребила Я на то, чтобы въ себѣ дать втораго Петра; но признаюсь: иногда безпредѣльная Моя любовь къ славѣ ввергала Меня въ заблужденія.... Одаренная просвѣщеннымъ разумомъ, будучи покровительницею наукъ и художествъ, Я была превозносима похвалами отъ всѣхъ философовъ, отъ всѣхъ писателей. Ежели бы Мое сердце не было превыше сей опасной лести, то я думаю, что Дидеротъ. д' Аламбертъ и Волтеръ Меня бы ослѣпили. —

ПЕТРЪ.

Но въ издаваемыхъ Тобою законахъ и въ новостяхъ, Тобою вводимыхъ, развѣ не препятствовало Тебѣ дворянство?

ЕКАТЕРИНА.

Я умѣла привлечь его любовію и укротить милосердіемъ. Пріятности Двора Моего, Моя ласка и любовь привлекали Мнѣ взаимную любовь; а любовь подданныхъ дѣлаетъ гораздо больше и надежнѣе власть нашу, нежели всѣ ужасы неограниченнаго самовластія. —

ПЕТРЪ.

Какъ, дочь моя! всѣ эти Князья, бояре, которыхъ Я хотѣлъ пріучить къ одеждѣ Европейской....

ЕКАТЕРИНА.

Они всѣ были у ногъ моихъ, повиновались волѣ Моей и почитали первымъ щастіемъ угождать Мнѣ.... Я умѣла при Дворѣ Моемъ поселить утѣхи, водворить любовь въ наукахъ и художествахъ, смягчить ими сердца дворянства и отвратить ихъ

отъ бунтовъ и заговоровъ. Дворянство есть самая твердая подпора престоловъ. — Дворяне нашли вѣрнѣйшій покровъ въ Государяхъ: повсюду Государи покровительствуютъ дворянъ, а дворяне преданы Государямъ.— Народъ, покоренный привычкѣ и любви къ тишинѣ, не въ силахъ ничего предпринимать самъ собою, и государства наслаждаются спокойствіемъ. — Во всю жизнь Мою старалась Я утверждать эту цѣпь, дабы, любя Россію, могла Я пользуясь внутреннею тишиною, время Мое употребить на ея пользу.

ПЕТРЪ.

Во всемъ, что я ни слышу, видна *Великая.*

ЕКАТЕРИНА.

Мнѣ лестно было быть уподобленой Тебѣ, и для того Я шла во

многомъ по стезямъ Твоимъ, а можетъ быть иногда и равнялась съ Тобою. Но какъ невсегда неограниченная любовь къ славѣ ведетъ къ прямой цѣли и часто блескъ ея совращаетъ съ пути, то не довольно того, чтобы побѣдами своими удивить сосѣдей; гораздо лучше быть щастливымъ внутри государства, нежели ужаснымъ на границахъ. Политическое первенство, исторгнутое побѣдами и трактатами, не можетъ сравняться со всеобщимъ уваженіемъ, которое пріобрѣтается справедливостію и внутренними силами; довѣренность полезнѣе удивленія, сіе чувство скоро исчезаетъ....

ПЕТРЪ.

Я слышалъ, что болоты Мои превратились въ прекрасный городъ, въ жилище пышности и великолѣпія. —

ЕКАТЕРИНА.

Это правда. На тѣхъ самыхъ болотахъ, на которыхъ Ты взялъ смѣлое предпріятіе воздвигнуть Свою столицу, давала Я праздники, которые превосходили великолѣпіемъ славныя каруселі Людовика XIV. Посреди жестокаго холода, который часто приводилъ Тебя въ изумленіе, но не могъ удержать неустрашимой Твоей предпріимчивости, умѣла Я окружить Себя вѣчною весною, сотворила для Себя особый климатъ, побѣдила удивленную природу и завела въ Своихъ комнатахъ всегдашніе сады, уступающіе можетъ быть въ пространствѣ; но конечно превосходящіе въ великолѣпіи и пріятностяхъ славные сады Семирамидины, которую многіе называли Азіатскою Екатериною. —

ПЕТРЪ.

И такъ это дикое, неприступное мѣсто, гдѣ Я съ вѣрными Моими сотоварищами, съ неслыханнымъ мужествомъ и постоянствомъ положилъ основаніе города....

ЕКАТЕРИНА.

Это мѣсто сдѣлалось столицею, достойною носить великое имя своего основателя; въ ней цвѣтетъ торговля. Но большіе столицы подобны большимъ головамъ: туловище ихъ не всегда дебѣло и стройно.... Память Твоего имяни, желаніе докончить Твои предпріятія, слава быть вторымъ Тобою, любовь къ Россіи, вотъ что было Моими путеводителями, и Я во всемъ получила успѣхи! Но частая и необходимая война, которая доставила столько величія государству, могла вовлечь въ нѣкоторую разстройку....

ПЕТРЪ.

Дочь моя! когда съ ограниченными средствами предпринимаемъ Мы дѣла великія, тогда порядокъ и бережливость нужнѣе самой неустрашимости.... Для того то, заводя морскія силы, Я жилъ совершеннымъ матросомъ и подавалъ собою примѣръ дворянству и всѣмъ подданнымъ. Учреждая славную роту, содѣлавшуюся училищемъ, началомъ лучшихъ полковъ Моихъ, а вскорѣ и началомъ лучшихъ войскъ во вселенной, былъ Я простымъ солдатомъ Лефорта, общаго нашего съ Моими сотоварищами Капитана и учителя. Я бы не покрылъ моря кораблями въ той землѣ, гдѣ едва были рыбачьи лодки, ежели бы съ топоромъ въ рукахъ не показалъ искуства кораблестроенія, которому научился въ Сардамѣ.

Собственными примѣрами ободрялъ, одушевлялъ Я моихъ подданныхъ, и сему то обязанъ за исполненіе великихъ предпріятій. *Петръ, корабельный мастеръ* можетъ быть столько же достоинъ безсмертія, какъ и побѣдитель подъ Полтавою.... Я ожидалъ славу, дочь моя! и былъ увѣренъ, что она не найдетъ Меня въ нѣдрахъ роскоши и великолѣпія.

ЕКАТЕРИНА.

Ты начиналъ, а Я совершила; Ты дѣлалъ первые удары на дикомъ камнѣ, а Я обработывала оный; Ты бѣгалъ за славою, повсюду искалъ ее, а Меня слава сама находила. Я взошла на престолъ съ мужествомъ, утвердилась съ пріятностію и великолѣпіемъ, царствовала съ величіемъ. — Я была Геній, Ты былъ Герой....

Елисавета царствовала и пріучила Россію къ кроткому правленію; во Мнѣ находили постоянство и мужество отца, кротость и милосердіе дочери, и подданные боготворили Меня. Пламенно желала Я просвѣтить народъ, смягчить нравы, думала успѣть въ томъ чрезъ великолѣпіе и пышность.

ПЕТРЪ.

Но развѣ торговля не доставила Тебѣ неизчерпаемыхъ источниковъ богатства, которыхъ Я ожидалъ отъ нее.

ЕКАТЕРИНА.

Нѣтъ; Я сказала Тебѣ, что она еще не имѣла времени притти въ цвѣтущее состояніе. Правительство должно пещись о томъ, чтобы пріучить народъ къ дѣятельности, ободрить къ землепашеству, умножить

населеніе и доставить ему изобиліе. Россія въ нѣдрахъ своихъ имѣетъ поля хлѣбородныя, лѣса великіе, рѣки способныя къ плаванію, руды всякихъ родовъ; должно только стараться употребить въ пользу истинныя сіи богатства, а не гоняться за мечтательнымъ величіемъ, которое почти всегда доставляя славу одному царствованію, ввергаетъ все государство въ нещастіе.

ПЕТРЪ.

И такъ, дочь моя, слѣдуя симъ правиламъ Ты занималась безпрерывно тѣмъ, чтобы открыть и употребить въ пользу всѣ источники истиннаго богатства въ Россіи; Ты не старалась дѣлать новыхъ завоеваній и распространять еще болѣе границы государства, слишкомъ уже обширнаго?

ЕКАТЕРИНА.

Нѣтъ! Я не могла избавиться отъ войны, не смотря на любовь Мою къ миру. Мнѣ должно было обезопасить Себя отъ набѣговъ Татаръ, которые нѣкогда были такъ ужасны предкамъ нашимъ. Я взяла Крымъ; принуждена была смирить гордость Оттоманцовъ, и Я укротила ихъ въ двухъ войнахъ и спѣснила ихъ границы. Въ Польшѣ возгорѣлись безпокойства и мятежи, завелся духъ мечтательнаго равенства, фанатизмъ безначалія; должно было предупредить распространеніе сего опаснаго яда: Я раздѣлила Польшу; Я наказала измѣну дружбы. Вотъ войны, которыя имѣла во время царствованія Моего! онѣ всѣ кончились со славою; но Я жалѣю, что была при-

нуждена проливать кровь любезныхъ, вѣрныхъ Моихъ подданныхъ.

ПЕТРЪ.

Я почитаю, уважаю великое Твое предпріятіе.... Но скажи, что пріобрѣла Ты безпрерывными войнами?

ЕКАТЕРИНА.

Честь и свободу мореплаванія и торговли на всѣхъ моряхъ Европы....

ПЕТРЪ.

Дочь моя! часто Монархи, послѣдуя совѣтамъ придворныхъ, заблуждаются и теряютъ вѣчную славу для пріобрѣтенія пустаго блеска. Придворные хотятъ управлять чрезъ Монарховъ, Монархи хотятъ прославиться чрезъ придворныхъ, и въ такомъ случаѣ одна война можетъ способствовать ихъ обоюднымъ, честолюбивымъ намѣреніямъ. Охотно прощаю Я Тебѣ нѣкоторыя полити-

ческія ошибки, взирая на великія дѣла Твоего царствованія, безпрерывно одно за другимъ текущія: побѣдоносный флагъ Твой развѣвается въ Архипелагѣ и въ Балтійскомъ морѣ; цѣлые государства покорены; сильнѣйшіе Державы искали съ жадностію Твоего союза и боялись непріязни Твоей; народъ привыкъ къ легкому повиновенію любви; войска въ строгой дисциплинѣ; полководцы обыкли побѣждать: сколько важныхъ дѣяній, заглаждающихъ нѣкоторыя ошибки, нераздѣльныя съ человѣчествомъ!

ЕКАТЕРИНА.

Я не страшусь предстать предъ судъ потомства: блескъ славы ослѣпляетъ глаза человѣковъ; но одна справедливость и добродѣтель нужны предъ судомъ строгаго Миноса.

ПЕТРЪ.

Дочь моя! Ты предстанешь ему съ безсмертнымъ Наказомъ Твоимъ!

ЕКАТЕРИНА.

Правда; но что буду Я ему отвѣчать, когда спроситъ онъ о потерѣ многихъ тысячь людей подъ стѣнами Измаила, Очакова и Праги?

ПЕТРЪ.

Ты скажешь, что кровопролитная и пылкая война всегда болѣе сохраняетъ воиновъ, нежели холодная и медлительная; гораздо меньше прольемъ крови поразя своихъ непріятелей въ нѣсколькихъ рѣшительныхъ сраженіяхъ, нежели изнуряя и нечувствительно уничтожая войско въ продолжительной войнѣ и въ легкихъ, но безпрерывныхъ сраженіяхъ. Ты скажешь, что окруженная

людьми, сокрывающими отъ Тебя истину, Ты хотя и безпрерывно старалась искать ее, но не всегда находила. Дочь моя! трудно развести тамъ огонь, гдѣ стараются затушить всякую искру. Но никогда жалоба не доходила до ушей Твоихъ, не возбудя въ Тебѣ любви къ справедливости и милосердію. Будучи свято увѣрена въ томъ, что Ты желала всегда одного блага, никогда не повелѣла несправедливости, не позволяла зла, уничтожала тиранства, поражала преступленія, и имѣя совершенно чистую и покойную совѣсть, безъ трепета предстанешь Ты предъ строгимъ, но справедливымъ Миносомъ, и скажешь ему: „Я „присовокупила обширныя провинціи „къ Россіи, присоединила Курляндію „къ Моему государству, покорила и

„образовала Крымъ, сотворила горо-
„да, украсила столицу, воздвигла въ
„ней памятникъ, достойный ея осно-
„вателя и Меня; Я любила Литтера-
„туру, ободряла науки, покровитель-
„ствовала художества, открыла ис-
„тинные источники богатства въ
„Моемъ государствѣ, нашла новыя
„руды, облегчила плаваніе по Дунаю
„и Волгѣ, докончила каналъ Вышне-
„волоцкой, покровительствовала
„торговлѣ Каспійской, возобновила
„Китайскую, старалась открыгать
„проходъ изъ Камчатки въ Америку,
„побѣдила и усмирила Турокъ, со-
„творила флотъ въ Черномъ морѣ,
„сдѣлала на немъ гавани, населила
„берега его; оживотворила торгов-
„лю Архангелогородскую, дала жизнь
„и движеніе Кронштату, пріобрѣла
„уваженія морскимъ силамъ, рабство

„уничтожила, подданство облегчила,
„изгнала смертную казнь, низвергла
„пытку Манифестомъ, наполненнымъ
„человѣколюбія; почитала священ-
„ство, помогала нещастнымъ, пре-
„зирала торжествующее злодѣйство;
„любя истинную Философію, отвер-
„гала съ негодованіемъ и ужасомъ
„мнимыхъ Философовъ, употребив-
„шихъ имена всѣхъ добродѣтелей,
„дабы сотворить всевозможныя зло-
„дѣянія. . . . Миносъ! вопіи мои права
„на твое снизхожденіе; разсуждай,
„достойна ли Я безсмертія, и умень-
„ши строгость Твою, видя пламен-
„ную любовь ко Мнѣ народа Моего,
„который Я покрыла вѣчною и без-
„примѣрною славою.“ —

Послѣ сего разговора ЕКАТЕРИНА
въ задумчивости удалилась отъ Царя-
Императора, дабы предаться на

свободѣ размышленіямъ, и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, увидѣла тѣнь, которой спокойствіе и веселость дѣлали рѣзкой контрастъ съ угрюмостію и безпокойствомъ другихъ тѣней, ей встрѣчавшихся. По веселому челу ея можно было подумать, что обитатель полей Елисейскихъ замѣшался между тѣней, изъ числа которыхъ тартаръ ожидаетъ нѣкоторыхъ себѣ въ добычу. ЕКАТЕРИНА остановилась, и черты, знакомыя Ей по однимъ преданіямъ искусства, но врѣзанныя въ Ея памяти любовію къ нещастнымъ, дали Ей узнать Монарха, въ судьбѣ котораго Она одна брала участіе. ЕКАТЕРИНА хотѣла къ нему приблизиться, но тѣнь увидѣвши Ее, поспѣшила къ ней на встрѣчу.

РАЗГОВОРЪ III.

ЕКАТЕРИНА, ЛЮДВИГЪ XVI.

ЛЮДВИГЪ.

Ты ужь здѣсь, безсмертная ЕКАТЕРИНА! Ты оставила землю и Франція торжествуетъ!

ЕКАТЕРИНА.

Мое чувство не обмануло Меня, Я вижу Людовика XVI! Нещастный Монархъ, достойный лучшей участи! — — Но почему Ты такъ скоро узналъ Меня?...

ЛЮДВИГЪ.

Слава ужь извѣстила насъ о Твоемъ прибытіи къ симъ мрачнымъ берегамъ.

ЕКАТЕРИНА.

Какъ, слава!...

ЛЮДВИГЪ.

Слава, но не та лживая вѣстница,

которой сто устъ едва достаточны для разглашенія заблужденій человѣческихъ и для пышнаго прославленія малѣйшихъ Царскихъ дѣяній; нѣтъ, здѣшнее божество провозглашаетъ только прибытіе тѣней и непреложныя рѣшенія Миноса. —

Въ самое это время громкій и величественный звукъ раздался въ царствѣ Плутоновомъ; ЕКАТЕРИНА невольно содрогнулась. Труба славы въ третій и послѣдній разъ ясно провозгласила шествіе Генриха IV въ поля Елисейскія. ЕКАТЕРИНА пришедъ въ себя, продолжала разговоръ.

ЕКАТЕРИНА.

Нещастный и добродѣтельный Монархъ! Ты знаешь, какъ тронула Меня участь Твоя! Ты знаешь, сколько жалѣла Я, что всѣ стараніи, всѣ

усилія Мои предупредить ударъ, Тебя поразившій, были напрасны.

ЛЮДВИГЪ.

По крайней мѣрѣ слезы Твои были чистосердечны. Ты была чувствительна къ судьбѣ Моей; но отдаленность, обстоятельства.... Я знаю, знаю цѣну сердца Твоего.

ЕКАТЕРИНА.

Для чего Монархи, окружающіе государство Твое потеряли драгоцѣнное время въ пустыхъ изгибахъ пронырливой политики? Какое ослѣпленіе такъ долго закрывало имъ глаза? Для чего не послѣдовали они во время спасительнымъ Моимъ совѣтамъ? И для чего Я не могла Сама показать имъ истиннаго пути, поддерживая Тебя всею силою моего могущества?

ЛЮДВИГЪ.

Судьба опредѣлила жребій Мой и

назначила Меня быть великимъ примѣромъ для царствъ земныхъ; иначе кто бы могъ истолковать....

ЕКАТЕРИНА.

Постой, Людвигъ! мнѣ кажется, что мы привыкли въ сіи смутныя времена напрасно возлагать на судьбу вину всѣхъ нещастныхъ произшествій.

Будучи поражена всесильнымъ ея ударомъ, конечно не могу Я оспоривать ея всемогущества; но Мнѣ кажется, что она не алчетъ всечастно являть власть свою, и часто оставляетъ насъ самихъ себѣ; и тогда-то естественныя причины берутъ всю силу свою, и бѣды происшекаютъ отъ собственныхъ нашихъ ошибокъ и заблужденія, а не отъ ея предвѣчныхъ ударовъ. Конечно пріятно было бы душамъ великимъ, ко-

гда бы добродѣтель и правота намѣреній повсюду жертвовали; но сей міръ не можетъ быть столицею вѣчной справедливости, и недремлющее злодѣйство часто губитъ спящую добродѣтель. Свѣтъ есть пространная площадь для борцовъ; тѣ, которые умѣютъ соединять силу съ искусствомъ могутъ низлагать своихъ противниковъ.

ЛЮДВИГЪ.

Признаюсь: съ тѣхъ поръ, какъ преселился я сюда, часто занимали меня эти печальныя мысли; а Твое мнѣніе еще болѣе увеличиваетъ цѣну ихъ.

ЕКАТЕРИНА.

Рѣчь Моя не простирается къ тому, чтобы дѣлать хотя малѣйшіе упреки добродѣтельнѣйшему изъ Монарховъ; любовь и почтеніе Мое

къ Нему будутъ порукою въ моемъ сердцѣ! Ахъ! ежели бѣдствія и насильная смерть могутъ облегчить проступки человѣческіе, то кто больше тебя очиститъ заблужденія свои, которыхъ источникомъ была безпредѣльная любовь къ народу, содѣлавшемуся жестокимъ и неблагодарнымъ.

ЛЮДВИГЪ.

Что дѣлать? Я свершилъ трудный путь на землѣ. Я былъ оклеветанъ во время царствованія моего; часть подданныхъ моихъ меня совсѣмъ не знала, народъ дѣлалъ мнѣ наглыя обиды; добрыя мои намѣренія обращались въ худую сторону; но я погибъ... и самые палачи мои обо мнѣ пожалѣли. Продолжай ЕКАТЕРИНА, я всегда любилъ истину, всегда употреблялъ всевозможныя ста-

ранія, чтобы снискать ее; но такова нещастная судьба Монарховъ, они тогда только узнаютъ ее, когда становится она имъ безполезною.

ЕКАТЕРИНА.

Кто любитъ слышать истину, тотъ не боится открывать ее; и такъ, Я буду говорить тебѣ ея голосомъ: ты добродѣтеленъ, и слѣдовательно не спрашишься онаго. Я довольно жила послѣ тебя, и слышала мнѣніе людей, которое конечно подтвердитъ справедливое потомство и безпристрастный судія дѣлъ нашихъ. Весь свѣтъ винитъ въ смерти Твоей подлыхъ и ужасныхъ убійцевъ; всѣ почитаютъ тебя честнымъ, справедливымъ, и думаютъ, что ежели бы судьба помѣстила тебя не на такую высокую степень, то бы ты водворилъ бла-

женство въ нѣдрахъ семейства твоего прелестью твоихъ честныхъ достоинствъ и добродѣтелей; утверждаютъ, что имѣя добрыя наклонности, будучи постояненъ во вкусахъ, разсудителенъ въ предпріятіяхъ, умѣренъ въ желаніяхъ, справедливъ во всѣхъ дѣйствіяхъ, ты былъ самый нѣжный мужъ, самый чувствительный отецъ, самый лучшій примѣръ для народа, тебя погубившаго.

ЛЮДВИГЪ.

О! какъ пріятны мнѣ слова Твои. Никогда, никогда не смѣлъ я надѣяться, чтобы Ты такъ справедливо умѣла цѣнить мои чувства. Да, Я безъ препетна призову Всевышняго свидѣтелемъ въ томъ, что щастіе народа моего было всегда главнѣйшею, сладчайшею и единственною моею мыслію. —

ЕКАТЕРИНА.

Всѣ въ этомъ совершенно увѣрены; даже и самые злодѣи, пролившіе кровь твою, кровь семейства твоего, не могутъ не признаться въ томъ, какъ ни стараются безпрерывно вымышлять клеветы и злословить память Твою, дабы облегчить люотое грызеніе совѣсти своей: но должно признаться, что ты не имѣлъ довольно твердости, необходимой для царствованія во времена смутныя и безпокойныя, и что твоя слабость....

ЛЮДВИГЪ.

Продолжай... слабость моя проистекала отъ того, что я тщился узнать всѣ желанія народа моего, дабы стараться исполнить ихъ.

ЕКАТЕРИНА.

Сіе-то намѣреніе и было причиною

гибели твоей. Народъ не имѣетъ никакихъ желаній; а то, что называютъ этимъ громкимъ и священнымъ именемъ, есть ничто иное, какъ крикъ нѣсколькихъ пронырливыхъ смѣльчаковъ, которые тщатся обманывать его. Народъ есть непостоянное и прихотливое дитя, осужденное быть вѣчно подъ опекою; ему должно дѣлать добро противъ его воли и, такъ сказать, насильно вовлекать во благоденствіе. Государь долженъ безпрерывно пещись узнавать пользу своихъ подданныхъ, долженъ безпрерывно ею одною заниматься, но никогда не внимать голосу несмысленнаго ребенка.

ЛЮДВИГЪ.

По крайней мѣрѣ я надѣюсь, что не обманулись въ истинномъ источ-

никѣ сей слабости; и конечно не думаютъ, чтобы подлая ревность....

ЕКАТЕРИНА.

Нѣтъ, Людвигъ! похвала и хула современниковъ часто бываютъ ложны и даже невѣроятны; но сужденія о тѣхъ, которые уже во гробѣ, всегда справедливы. Всѣ помнятъ, что во всѣхъ обстоятельствахъ, гдѣ опасности угрожали лично одному тебѣ, ты всегда былъ выше произшествій и выше самаго себя.

ЛЮДВИГЪ.

Уступя бурѣ я надѣялся возвратить тишину и спокойствіе, и думалъ, что не пропивясь пагубной для меня революціи, ускорю я ходъ ея, и тѣмъ прекращу бѣдствія любезнаго моего народа.

ЕКАТЕРИНА.

Цѣлая половина Европы раздѣляла

съ тобою пагубное это мнѣніе; Леопольдъ и многіе другіе подавали тебѣ робкіе совѣты, которые не спасли тебя. Но ты, управляя 15 лѣтъ симъ народомъ, долженъ былъ знать его лучше. Кто уступаетъ развратнымъ злодѣямъ, тотъ ободряетъ ихъ виновныя надежды, возбуждаетъ ихъ дерзость и показываетъ имъ, что нужно только *сметь*.

ЛЮДВИГЪ.

Я никогда не думалъ, чтобы люди дошли до такой степени неблагодарности; я думалъ, что революція, подобно бурѣ, очиститъ только воздухъ; что сіе потрясеніе послужитъ къ искоренію сильныхъ злоупотребленій, противъ которыхъ была вся власть моя, и что наконецъ она возвратитъ порядокъ и утвердитъ правленіе на основаніи,

согласномъ съ французскимъ характеромъ и съ духомъ *демократизма*, царствовавшаго повсюду въ наше столѣтіе.

ЕКАТЕРИНА.

Людовигъ! жестокая опытность показала тебѣ, что революція, подобна лютому пожару, который тогда только потухаетъ, когда исчезнетъ все, что можетъ питать быструю его дѣятельность. Зараза равенства подобна острію, которое носится надъ головами; оно сначала ни одной не угрожаетъ, кажется даже, что всѣхъ покровительствуетъ; но, мало по малу опускаясь, сражаетъ прежде возвышенные, а потомъ достигаетъ и тѣхъ, которые радовались гибели другихъ.

ЛЮДВИГЪ.

Признаюсь: было время, когда бы

справедливая строгость могла имѣть спасительныя слѣдствія; мнѣ должно было только наказать нѣсколько злодѣевъ: я не наказалъ ихъ, и пролилъ рѣки невинной крови сберегая нѣсколько капель виновной. —

ЕКАТЕРИНА.

Я знаю цѣну крови человѣческой; знаю, сколько стоила мнѣ слезъ каждая побѣда, не взирая на славу Мою; но есть обстоятельства, въ которыхъ самое человѣколюбіе требуетъ кровавыхъ жертвъ, обстоятельства, въ которыхъ сожалѣніе содѣлывается люпымъ злодѣяніемъ, подобно пагубному сожалѣнію жестоко - чувствительнаго человѣка, который, не желая сдѣлать на нѣсколько минутъ мученія больному, боится отрѣзать зараженное, и тѣмъ упредя успѣхи яда, сохранить

здоровье; а послѣ съ горестію увидитъ, что всѣ способы его искусства сдѣлались тщетными отъ того, что не умѣлъ онъ ихъ употребить во время.

ЛЮДВИГЪ.

Признаюсь, что одна чистота моихъ намѣреній можетъ извинить лютое мое сожалѣніе. Печальный свѣтильникъ опытности показалъ мнѣ, что спасительная строгость съ нѣкоторыми бунтовщиками могла бы сохранить жизнь тысячамъ вѣрныхъ, невинныхъ моихъ подданныхъ. Ты согласишься однако же, что въ то время не льзя было предвидѣть....

ЕКАТЕРИНА.

Конечно правда. Но согласимся также, что большая часть Монаршихъ ошибокъ происходитъ отъ людей, ихъ окружающихъ, и отъ не-

брежнаго ихъ воспитанія. — Желала бы Я, чтобы они имѣли лучшее понятіе о Исторіи. Вотъ истинная книга Государей; въ ней-то познавая изгибы сердца человѣческаго, находимъ мы въ прошедшемъ правила будущаго. —

ЛЮДВИГЪ.

Я любилъ и зналъ Исторію; но гораздо легче выучить и помнить ее, нежели употреблять въ свою пользу въ нужное время. Но и въ самой Исторіи есть ли иному примѣры, что мы видѣли? Нѣтъ! судьба только для нашего вѣка назначила такія ужасныя и неслыханныя смятенія! —

ЕКАТЕРИНА.

Людвигъ! ты впадаешь въ заблужденіе, которому люди всѣхъ вѣковъ были всегда подвержены; они живо чувствуя происшествія, въ которыхъ

они замѣшаны, забываютъ обыкновенно тѣ, которыя Исторія представляетъ имъ въ своихъ преданіяхъ. Разсматривая ее прилѣжно, увидимъ мы, что изключая нѣсколько мгновеній тишины, земля безпрерывно была подвержена бурямъ и раздору.— Всегда люди были развратны, и всегда одинакія причины производили почти одинакія слѣдствія.—Въ самыхъ отдаленныхъ временахъ революціи опровергали престолы, потрясали государства и покоряли цѣлые народы чуждому правленію. Міръ, нами оставленный, такъ древенъ, что ужь давно солнце не освѣщаетъ новыхъ преступленій.

ЛЮДВИГЪ.

И такъ Ты думаешь, что смотря примѣчательнымъ окомъ на Исторію, на сей памятникъ злодѣйствъ

и бѣдствій человѣческихъ, можно бы было предупредить часть нещастій, съ нами случившихся?—

ЕКАТЕРИНА.

Безъ сомнѣнія. Будучи увѣрена въ томъ, что происшествія, близкія къ намъ, дѣлаютъ на насъ сильнѣйшія впечатлѣнія, Я напомню тебѣ нѣкоторыя черты собственной Моей жизни. Но позволь Мнѣ прежде спросить тебя о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, до тебя касающихся. Справедливо ли то, что ты противился прозьбамъ Фельдмаршала Брогліа, который умолялъ тебя взять начальство надъ твоими войсками, собранными въ окрестностяхъ Парижа, въ то время, когда бы ты могъ еще поправить худыя твои обстоятельства?

ЛЮДВИГЪ.

Справедливо; я признаюсь въ моей ошибкѣ. Мнѣ пріятно отдавать должную славу сему вѣрному моему подданному —

„Государь! говорилъ онъ увѣри-„тельнымъ голосомъ печали, повѣрь „опытности и усердію стараго сол-„дата, который при концѣ дней сво-„ихъ почелъ бы первымъ щастіемъ „исторгнуть тебя изъ опасности, „тебѣ угрожающей. — Явись своему „войску; предупреди обольщенія и „коварства, которыя ищутъ поко-„лебать его вѣрность; оно состоитъ „изъ Французовъ. Присутствіе Ко-„роля разсѣетъ мятежи, уничто-„житъ заговоры и возвратитъ ихъ „на путь чести и повиновенія.“ —

ЕКАТЕРИНА.

Для чегожъ ты не послѣдовалъ симъ спасительнымъ совѣтамъ? —

ЛЮДВИГЪ.

Я боялся слѣдствій рѣшительнаго поступка; я чувствовалъ, къ собственному нещастію всѣхъ подданныхъ моихъ, что они всѣ дѣти мои и всѣ мнѣ равно любезны. Я не могъ Французовъ вооружить противъ Французовъ. Мнѣ была еще дорога къ спасенію; но надежда быть посредникомъ въ ихъ ссорахъ отвратила меня отъ путешествія въ Мецъ, гдѣ бы, повелѣвая войсками, вседневно умножающимися, могъ я предписывать бунтовщикамъ самовластные законы. Даже въ самый тотъ день, когда я былъ совершенно свергнутъ съ престола и введенъ плѣнникомъ въ столицу мою, окружала меня вѣрная моя гвардія и подавала мнѣ разительные знаки сожалѣнія и преданности. Она ожидала одного слова,

одного мановенія....Еще было время... еще я могъ... но надѣясь усмирить ужасную бурю подвергаясь одинъ ея ударамъ, я не рѣшился сказать слова...не рѣшился сдѣлать мановенія!

ЕКАТЕРИНА.

Горькая опытность доказала тебѣ, какъ бѣдственна нерѣшимость; но перемѣнимъ печальный этотъ разговоръ.

ЛЮДВИГЪ.

Хорошо! поговоримъ о семьѣ моей. Скажи мнѣ, гдѣ дочь моя? куда дѣвалось это дитя печали, рожденное въ величіи, а воспитанное въ горести, рабствѣ и отчаяніи? Дѣтство, невинность обезоружили безжалостныхъ убійцъ отца и матери ея; утолили чудовища жажду свою кровію, которая восемь сотъ лѣтъ была ими боготворима?...

ЕКАТЕРИНА.

Дочь твоя теперь въ Вѣнѣ; посреди семейства матери своей, наслаждается должнымъ уваженіемъ своему сану, личнымъ достоинствамъ и нещастіямъ. Она бы могла еще надѣяться щастія, ежелибъ люпыя воспоминанія не отправляли дней ея.

ЛЮДВИГЪ.

Ты успокоила меня симъ извѣстіемъ о судьбѣ дочери моей; но скажи мнѣ, гдѣ сынъ мой?

ЕКАТЕРИНА.

Дѣтство избавило его отъ эшафота; но думаютъ, что вмѣсто ножа тайный и медлительный ядъ погубилъ невиннаго младенца, и что въ семъ случаѣ наслѣдники Роберспьера превзошли самаго его въ злодѣйствѣ. Наконецъ, насытясь варварствами, и желая посрамить кровь своихъ

Государей, они осмѣлились предложить Императору размѣнять дочь твою, любезную Марію Терезію, на заговорщиковъ, осудившихъ тебя на смерть, между которыми былъ извѣстный Друетъ, арестовавшій тебя въ Варенѣ.

ЛЮДВИГЪ.

Какъ! и Императоръ согласился на этотъ постыдный размѣнъ?

ЕКАТЕРИНА.

Согласился. И сіе согласіе можетъ служить истиннымъ доказательствомъ почтенія Франциска II къ твоей памяти. Время *Регуловъ* не существуетъ; древніе примѣры геройства не дѣйствуютъ болѣе въ развращенномъ вѣкѣ; дочь твоя страдала въ темницѣ, молодость ея увядала, красота исчезала, здоровье ослабѣвало, и она могла навсегда погиб-

нуть... вторый Робеспьеръ могъ возродиться; эшафоты терроризма могли воздвигнуться; знали, что невинность не сохраняетъ отъ смерти— и Францискъ II, презря собственнымъ величіемъ, извлекъ изъ опасности и показалъ, что истинная слава состоитъ въ томъ, чтобы умѣть жертвовать самою славою для сохраненія невинности и добродѣтели.

ЛЮДВИГЪ.

Я не смѣю спросить Тебя о моихъ братьяхъ?...

ЕКАТЕРИНА.

Они съ геройскимъ великодушіемъ перенесли кончину твою и всегибельныя свои несчастія; они показали себя превыше бѣдствій: можетъ быть предлежалъ имъ и еще горестни.... Теперь они имѣютъ убѣжище только тамъ, гдѣ изгнанная

добродѣтель предпочитается щастливому злодѣйству, то есть, почти нигдѣ не имѣютъ убѣжища; они уважаемы честными людьми, забыты эгоистами, приняты съ почестію великодушными; но повсюду бываютъ жертвою политики.

ЛЮДВИГЪ.

ЕКАТЕРИНА, безъ сомнѣнія, не изъ числа тѣхъ Монарховъ, которые такъ скоро забыли, что мои выгоды суть общія выгоды всѣхъ Государей, и что въ лицѣ моемъ имъ бы должно было предохранять самихъ себя?

ЕКАТЕРИНА.

Конечно нѣтъ; но я была увѣрена, что благоденствіе народа есть твердѣйшее основаніе престоловъ. Я хладнокровно разсуждала о бурѣ, которая была подъ Моими ногами, не желала извлекать выгодъ изъ гибели

твоей, и одна во всей Европѣ признала твоихъ наслѣдниковъ законными Государями Франціи.

ЛЮДВИГЪ.

И такъ мой братъ, которому я оставилъ въ наслѣдство одно нещастное и осужденное имя....

ЕКАТЕРИНА.

Я предложила ему покойное убѣжище, какъ нѣкогда Гишпанія сыну нещастнаго Карла I; онъ согласился принять его....

ЛЮДВИГЪ.

Но смерть Твоя не будетъ ли новымъ ударомъ нещастному семейству моему....

ЕКАТЕРИНА.

Нѣтъ! перемѣна царствованій не сдѣлаетъ никакой перемѣны въ обстоятельствахъ семейства твоего: Наслѣдникъ Моего престола наслѣдуетъ и дружбу Мою къ оному.

ЛЮДВИГЪ.

Позволь еще спросить Тебя, куда дѣвались тысячи вѣрныхъ моихъ подданныхъ, которые съ такою вѣрностію желали служить мнѣ? Какого бы состоянія и чину они ни были, но они всѣ равно мнѣ любезны, всѣ имѣютъ равное право на мое сожалѣніе.

ЕКАТЕРИНА.

Сіе поколѣніе жертвъ исчезаетъ вседневно; тѣ, которыхъ не поразили еще на эшафотѣ, ни кровопролитныя сраженія, влачатъ плачевную жизнь свою; въ нищетѣ, въ горестяхъ и въ отчаяніи идутъ ко гробу, послѣднему ихъ убѣжищу.

ЛЮДВИГЪ.

Какъ! не уже ли великодушные, которые вдавались въ такія опасности, сдѣлали такія великія

жертвы, для Монарха опвергнуты и презрѣны Монархами? Не уже ли Государи такъ худо знаютъ собственную пользу? Жалкое, гибельное состояніе! Скажи мнѣ, что думаешь Ты о сей долгой и нещастной войнѣ? Твое отшествіе онъ свѣта вѣрно сдѣлаетъ великія перемѣны въ пользу республиканскихъ правилъ.

ЕКАТЕРИНА.

Я надѣюсь, что дѣла не перемѣнятъ своего теченія. Я люблю думать, что Мой сынъ наслѣдовалъ Мнѣ не въ одной власти Моей, но и въ Моихъ правилахъ и предпріятіяхъ. Мой характеръ, Мой примѣръ, имѣютъ вѣрно свою цѣну въ душѣ его. Думаю, что Онъ сдѣлаетъ все, что бы могла сдѣлать Я для низпроверженія этого идола, съ которымъ

надобно или сражаться, или обожать его; но однако же прошедшія бѣдствія не предвѣщаютъ спокойствія въ будущемъ.

ЛЮДВИГЪ.

Но какимъ образомъ Французы, свергнувшіе съ себя спасительное иго Монархическаго правленія, могли противустать союзнымъ властямъ? И какъ цѣлая половина Европы, соединенная и вооруженная противъ одной земли, могла найти такое сильное сопротивленіе въ бунтовщикахъ, раздѣленныхъ на множество партій.

ЕКАТЕРИНА.

Сіе-то соединеніе властей и спасло ихъ. Союзники вмѣсто того, чтобы, отвергнувши всѣ частныя и междоусобныя неудовольствія, обратишь всѣ силы на общаго непрія-

нія, питали пагубный раздоръ и зависть между собою, и всякой полагаясь на усилія своихъ сосѣдей, не только не давалъ собственной помощи, но часто разрушалъ и препятствовалъ предпріятіямъ другихъ. Всякой думалъ, что настоящій другъ можетъ сдѣлаться врагомъ, и каждый замѣчалъ за поступками своего союзника, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать противъ непріятеля; каждый боясь возвышенія другаго, старался только положить ему преграды.

ЛЮДВИГЪ.

Удивительно, что ихъ успѣхи не открыли давно глазъ Государямъ и не могли водворить между ими нужнаго согласія?

ЕКАТЕРИНА.

Успѣхи ихъ произвели противное

дѣйствіе. Державы забывши, что причины, вооружившія ихъ, существуютъ во всей силѣ, разорвали общій союзъ, и вступили въ переговоры съ бунтовщиками; многіе заключили уже съ ними частные трактаты; члены твоей Августѣйшей фамиліи, сидящіе на престолахъ Европейскихъ, вступили въ число друзей республики, которая основала бытіе свое на твоей крови. Глава дому твоего, царствующій въ Гишпаніи, не только что вступилъ въ союзъ съ республиканцами, но и флоты его соединены съ ихъ флотами....

ЛЮДВИГЪ.

Довольно!...я не хочу перестать любить и уважать того, кто сдѣлалъ всѣ усилія, чтобы сохранить мнѣ жизнь. Пожалѣемъ о Государяхъ, обманутыхъ ложною политикою; они

теперь больше насъ страдаютъ: но не будемъ строже самаго Миноса, который будетъ судить ихъ, спустя цѣлый вѣкъ послѣ ихъ жизни.

ЕКАТЕРИНА.

Я узнаю Людвига XVI по благороднымъ его чувствованіямъ; Я увѣрена, что наслѣдникъ твоихъ правъ и твоей добродѣтели раздѣляетъ съ тобою твои мнѣнія. Вы знаете, что одно снизхожденіе и забвеніе обидъ способны возвратить заблудшіяся сердца къ добродѣтели.

ЛЮДВИГЪ.

Сколько пріятностей и утѣхъ нахожу я въ бесѣдѣ съ Тобою, жена великая, безпримѣрная! Съ какою радостію воображаю я, что мы часто будемъ возобновлять наши разговоры! Мнѣ много бы хотѣлось еще сдѣлать Тебѣ вопросовъ; но я вижу

множество тѣней, приближающихся къ намъ, которыя жаждутъ бесѣдовать съ Тобою, и уступаю ихъ нетерпѣливости. Приближься къ Монархамъ, которые Тебѣ удивляются, къ Монархамъ, изъ которыхъ многіе безмѣрно любили Тебя. Великій Фридрихъ приближается. Прости! я оставляю васъ наслаждаться пріятнымъ правомъ говорить здѣсь другъ другу испанину, которую вы оба такъ страстно любили въ вашей жизни.

РАЗГОВОРЪ IV.

ЕКАТЕРИНА и ФРИДРИХЪ ВЕЛИКІЕ.

ФРИДРИХЪ.

Какъ! славная ЕКАТЕРИНА уже между нами?—И такъ Геній не имѣетъ щастливаго права безконечнаго существованія?

ЕКАТЕРИНА.

Не имѣетъ!- смерть твоя это Мнѣ доказала.... О ежели бы Геній имѣлъ это право, то Великій Фридрихъ остался бы вѣчно на престолѣ, имъ прославленномъ.

ФРИДРИХЪ.

И могъ бы вѣчно удивляться безсмертной ЕКАТЕРИНѢ.

ЕКАТЕРИНА.

Мой братъ! оставимъ этотъ языкъ; мы здѣсь не будемъ больше имѣть ни трактатовъ, ни раздѣ-

ловѣ, и слѣдовательно онѣ намѣ будетѣ безполезенѣ. Въ жизни нашей мы много другѣ друга хвалили; но за то иногда старались взаимно обмануться; а здѣсь въ жилищѣ истины не лучше ли оставить намѣ и то и другое.

ФРИДРИХЪ.

Согласенѣ; я думаю, намѣ можно сказать другѣ другу то же, что сказалѣ Магометѣ Запиру:

„Fe me sens assez grand pour ne pas t' a tuſer.“

Ты недавно оставила Дворѣ, въ которомѣ Тебя боготворили; а потому я думалѣ, что строгая истина можетѣ быть Тебѣ непріятна. Но ежели Ты не страшишься ее, то я послѣдую волѣ Твоей десять лѣтѣ, какѣ оставилѣ я престолѣ, и въ это время привыкѣ внимать ея голосу; да

и въ жизни моей, желая всегда быть Философомъ, я никогда не могъ терпѣть лести.

ЕКАТЕРИНА.

Знаю, что ты запрещалъ льстить себѣ; но думаю, что не всегда сердился, когда въ семъ случаѣ преступали твое повелѣніе. Я также жежала всегда справедливости и чистосердечія; но признаемся, любезный братъ, что Цари какія ни берутъ предосторожности отъ обмановъ, но выигрываютъ только то, что ихъ обманываютъ искуснѣе и тоньше другихъ.

ФРИДРИХЪ.

И такъ Ты совершенно увѣрена, что орлиный взоръ не всегда проницалъ во внутренности сердецъ хитрыхъ придворныхъ и честолюбивыхъ любимцевъ.

ЕКАТЕРИНА.

Власть окружена заблуженіями, какъ громъ тучами; блескъ его часто проницаетъ и раздираетъ ихъ, но мгновенно опять теряется въ густой тьмѣ. Я познаю теперь, до какой степени хитрая лесть можетъ ослѣплять Государей; но познаю тогда, когда престала быть Государемъ. Какъ ни была Я осторожна и проницательна, но сколько разъ была обманута! — Часто коварные хитрецы закрываютъ совершенно глаза Владыкамъ. Они имѣютъ иногда дерзость и безчеловѣчіе выхвалять изобиліе и блаженство государства въ то время, когда война и пагубное честолюбіе разоряютъ его. Строятъ цѣлыя селенія передъ глазами Владыкъ, которыя, подобно театральнымъ декораціямъ, исчезаютъ за ихъ сто-

пами и оставлютъ одну голую степь, или забытыхъ, нуждающихся жителей. Они часто заставляютъ Монарха торжествовать тамъ, гдѣ бы должно было ему проливать горькія слезы. О Фридрихъ! кто изъ насъ не былъ жертвою лести и обмана! —

ФРИДРИХЪ.

О! я совершенно съ Тобою согласенъ: но оставимъ сіи необходимыя бѣдствія Монарховъ; міръ конечно принужденъ будетъ признаться въ томъ, что мы несравненно менѣе другихъ были имъ подвержены. — Поговоримъ о затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ теперь находятся наши наслѣдники.

ЕКАТЕРИНА.

И такъ ты знаешь ужь, въ какія бѣдствія повержена нещастная Европа.

Я говорилъ о ней съ Государями; а отъ нихъ конечно сокрыты три четверти истины, которую и теперь стараются скрывать отъ тѣхъ, которые бы могли перемѣнить судьбу Европы. Іосифъ II пришедъ сюда, наговорилъ мнѣ множество прекрасныхъ вѣстей: „духъ „изобрѣтенія и новости, сказалъ „онъ, овладѣлъ всѣми; желаніе пре„сбражать разлилось повсюду.“ Онъ превозносился, говоря, что онъ есть щастливый предвѣстникъ всѣхъ перемѣнъ, которыя скоро совершатся. По томъ Филаппропъ Леопольдъ пришелъ пересказывать мнѣ все другимъ образомъ; но онъ по обыкновенію своему *только надѣялся*. Онъ думалъ, что все утихнетъ само собою, и возбуждалъ нетерпѣливость и гнѣвъ

пылкаго и справедливаго Густава, который говорилъ мнѣ, что кроткое царствованіе Леопольда послужило только къ распространенію и утвержденію секты Темпористовъ, которая хотя и не дѣлала сама зла, но дала совершенную волю злу распространяться. По всѣмъ симъ извѣстіямъ я видѣлъ, что нечего добраго надѣяться. Вскорѣ по томъ Людвигъ XVI пришелъ къ намъ и разсказалъ, до какого степени дошла дерзость народовъ. Признаюсь: я тогда подумалъ, что всеобщій союзъ Европейскихъ державъ отомститъ обиду всѣхъ престоловъ, потрясенныхъ паденіемъ одного, и исправитъ всѣ политическія ошибки; но нѣсколько дней назадъ узналъ я тому противное отъ старца, котораго уморили съ печали, лишивши его почти со-

всѣмъ престола. Опытность доказала, что союзники бываютъ согласны только тогда, когда надобно дѣлить и возвышаться; но согласіе ихъ исчезаетъ, ежели надобно дѣлать пожертвованія личныхъ своихъ выгодъ. Зависть засыпаетъ въ объятіяхъ надежды къ обогащенію; но просыпается съ яростію при видѣ потери. При томъ же нынѣшняя война содѣлала политику такъ затруднительною, нынѣшній всеобщій союзъ такъ насъ разстроилъ, что....

ЕКАТЕРИНА.

Въ твое время была система, было равновѣсіе, отъ котораго болѣе или менѣе зависѣли всѣ державы Европейскія. Германія, находящаяся посреди Европы, была точкою соединенія всѣхъ государствъ; а миръ

Вестфальской, какъ ни былъ необстоятеленъ, но все былъ осью цѣлой Европы.

ФРИДРИХЪ.

Кто же разрубилъ этотъ Гордіевъ узелъ въ то время, когда такъ нужно было сохранять его?

ЕКАТЕРИНА.

Тотъ самый, кому бы болѣе всѣхъ нужно было его защищать.

ФРИДРИХЪ.

И такъ Европа имѣетъ Александра, который силою геройства своего принудитъ фортуну оправдать дерзость свою?

ЕКАТЕРИНА.

Нѣтъ. Она теперь трепещетъ, подобно какъ трепетали наслѣдники Августа предъ варварами, или, какъ она сама прежде трепетала во время

раззореній Нормандцевъ и во время завоеваній Сарацинскихъ.

ФРИДРИХЪ.

Какая разница! Сарацины были непобѣдимы отъ того, что они сражались во имя ал-Корана, желая распространить его во всей подсолнечной; а ты знаешь, какъ ужасны люди, когда фанатизмъ ими управляетъ.

ЕКАТЕРИНА.

Этотъ же самый фанатизмъ одушевляетъ теперь Французовъ. Государи ошибаются въ ихъ цѣли, хотя они имѣли дерзость обнаружить свои намѣренія и имѣютъ довольно мужества къ произведенію ихъ въ дѣйство. Не уже ли цѣлый народъ перемѣняетъ свои нравы и обычаи, уничтожаетъ собственность, разрушаетъ чины, равняетъ всѣ различія,

безстыдно отвергаетъ религію отцевъ своихъ только для того, чтобы перемѣнить своего повелителя? Не уже ли для того, чтобы установить внутреннее спокойствіе, нападаетъ онъ на всѣ власти, пренебрегаетъ всѣ догматы, ни во что вмѣняетъ всѣ могущества и алчетъ унизить Монарховъ? Не уже ли для того онъ повсюду возжигаетъ войну, отвергаетъ миръ, чтобы пріобрѣсть тишину? Не уже ли для того старается онъ разрушить конституціи всѣхъ окружающихъ его народовъ, чтобы утвердить конституцію, которую онъ самъ для себя сдѣлалъ? Не уже ли для того онъ повсюду сѣетъ раздоръ, чтобы достигнуть мира? Не уже ли для того старается онъ разторгнуть всѣ цѣпи повиновенія и вѣрности, чтобы учредить

повиновеніе своимъ законамъ? Не уже ли для того сѣетъ онъ повсюду неустройство и безначаліе, его снѣдающія, чтобы остаться въ своихъ границахъ? И наконецъ не уже ли для того безпрерывно нападаетъ онъ на Монархическое правленіе, наноситъ обиды Государямъ, клянется имъ вѣчною ненавистію, чтобы наконецъ самому содѣлаться членомъ обширной Европейской республики, которая покрыта Монархіями? И такъ - то ли онъ старается предуготовить себѣ сладкой союзъ со всѣми Государями?

ФРИДРИХЪ.

Объясни мнѣ, прошу Тебя, эту новую вѣру, которая по словамъ Твоимъ грозитъ перемѣною цѣлой Европѣ?

ЕКАТЕРИНА.

Эта вѣра есть первая, которую осмѣлились предложить людямъ, не основывая ее на добродѣтели и не имѣя божества въ предметѣ. Ежели бы она въ чемъ нибудь походила на догматы, которыя 30 лѣтъ стараются повсюду испровергнуть, то бы она совсѣмъ не возбудила къ себѣ никакой ревности. Но сія вѣра проповѣдуетъ безвѣріе; обѣщаетъ не свободу, но безначаліе; не безопасность, но послабленіе; ободряетъ всѣ распутства и развратности; позволяетъ замѣнять силою или красноорѣчіемъ священное право собственности; предписываетъ эгоистамъ неблагодарность; низпровергая всѣ власти; попускаетъ возвышаться и всего надѣяться съ дерзостію и честолюбіемъ. Такова-то

вѣра равенства, которую коварство осмѣлилось воздвигнуть на блестящихъ мечтахъ ложныхъ мудрецовъ, которыхъ мы называли философами.

ФРИДРИХЪ.

И такъ творенія пылкихъ умовъ нынѣшняго вѣка отравили ядомъ конецъ его?

ЕКАТЕРИНА.

Точно такъ; и тѣ самые, которыхъ мы ласкали во всю жизнь нашу, преподали сію пагубную вѣру своимъ послѣдователямъ.

ФРИДРИХЪ.

Не уже ли Ты думаешь, что эта революція имѣетъ тайную цѣль.

ЕКАТЕРИНА.

Думаю; вижу, что и по сихъ поръ стараются сокрывать это отъ тѣхъ, которые въ силахъ еще задушить ужасную гидру. Хотя рука и

неспособна разрушить того, до чего достигнуть не можетъ; но разумъ простирается далѣе нашей силы. Республика Французская или, лучше сказать, *вѣра равенства* съ своими правилами не можетъ остаться въ Европѣ, подобно острову, окруженному со всѣхъ сторонъ океаномъ Монархій. Нѣтъ, она еще ищетъ все уравнять, все приближить, соединить съ собою; нетерпящая оныхъ вѣръ хотя и проповѣдуетъ терпимость, она взираетъ на всѣ народы, подданные Государямъ, такъ, какъ взирали первые Музульмане на древнихъ идолопоклонниковъ. Оно должно или разшибиться о подножіе престоловъ, которые жаждетъ низвергнуть, или основать свою непоколебимость на ихъ развалинахъ. Ежели вѣра сія не умѣла сохранять до сихъ

порѣ своихъ мнимыхъ пророковъ, которые ее проповѣдывали, то по крайней мѣрѣ раждаетъ она безпрерывно новыхъ Сеидовъ, которые жертвуютъ собою для ея защищенія, и которыхъ успѣхи подобны быстрымъ успѣхамъ пастыря, покорившаго часть вселенной тѣмъ только, что проповѣдывалъ Аравитянамъ догматы, противные принятому у нихъ закону. Повѣрь, любезный братъ! ежели бы эта революція, которая потрясаетъ Европу, клонилась только къ тому, чтобы перемѣнить правленіе въ одномъ государствѣ, то бы Европа ею столь же занималась, какъ и мятежемъ, возведшимъ на эшафотъ Карла I: но не съ тою цѣлью сія коварная и хитрая система шествуетъ покрытая мраками, повреждаетъ всѣ идеи, обезображиваетъ

чувствованія и разрушаетъ нечувствительно всѣ связи общества.

ФРИДРИХЪ.

Но почему же Ты думаешь, что опасность такъ велика?

ЕКАТЕРИНА.

По вниманію всѣхъ народовъ, живущихъ подъ Монархическимъ правленіемъ къ судьбѣ республики, которая содѣлалась явнымъ непріятелемъ Монархіи. Не для того ли только въ самомъ дѣлѣ видимъ мы въ цѣлой Европѣ то союзы, то разрывы, чтобы рѣшить: Король или пять пиранновъ должны управлять Франціею? и не для того ли, чтобы примѣчать успѣхи и бѣдствія различныхъ факцій, въ ней царствующихъ, міръ устремилъ на нее взоръ свой съ такимъ вниманіемъ, какъ будто бы ждетъ отъ нее рѣшенія судьбы

своей? Никогда всѣ народы не занимались съ такимъ любопытствомъ, съ такимъ вниманіемъ судьбою одного. Взгляни въ вѣка прошедшіе, и ты увидишь, что всегда одинакимъ образомъ энтузіазмъ соотвѣтствовалъ воплямъ фанатизма, всегда при возрожденіи новой вѣры смятеніе предшествовало увлеченію и согласіе воспріятію, всегда были прозелиты и мученики. Никогда никакая вѣра не могла распространиться съ такою скоростію, какъ нынѣшняя; ибо она льститъ и вооружаетъ безчисленность бѣдныхъ противъ малаго числа богатыхъ. Въ теченіе семи лѣтъ потрясла она обширное государство, взволновала двадцать прекрасныхъ провинцій и разрушила тихую республику. Она, подобно другимъ вѣрамъ, имѣетъ свое убѣжище,

своихъ мучениковъ, своихъ изключительныхъ послѣдователей, какъ всѣ возраждающіеся догматы. Она все употребляетъ въ свою пользу: сражается, проницаетъ, распространяется безпрестанно и имѣетъ въ предметѣ не иное что, какъ низверженіе всѣхъ олтарей, всѣхъ богослуженій, дабы открыть путь ко всѣмъ злодѣйствамъ и разрушить всѣ идеи о добродѣтели.

ФРИДРИХЪ.

Ахъ! ежели бы я былъ на землѣ?

ЕКАТЕРИНА.

Ты бы былъ *спасителемъ* Европы *ангеломъ хранителемъ* вселенныя (*). Тебя нѣтъ....

(*) Великая Екатерина, великой Фридрихъ! почійте покойно въ поляхъ Елисейскихъ, у насъ есть *Спасители*, есть *Ангелы Хранители*. Вѣра безвѣрія уничтожена, и грозный раздоръ затушилъ пламенникъ гибели!

ФРИДРИХЪ.

Пусть Преемникъ Твой заступитъ мое мѣсто; пусть Онъ исполняетъ то, что бы я исполнялъ.

Наставленный Твоимъ примѣромъ, освященный свѣтильникомъ разума, слѣдуя справедливости, увлеченный добротою сердца своего, пусть скажетъ Онъ Самъ Себѣ: „Женщина съ величіемъ занимала престолъ, на который Я вступаю; Она совершила всѣ пути на полѣ славы, собрала по всюду богатыя жатвы, и Мнѣ осталась одна только дорога къ храму сей богини.... Все, что ни предпріялъ ПЕТРЪ къ прославленію Россіи, ЕКАТЕРИНА все исполнила, и Черное море не соединено каналами съ Балтійскимъ только для того, что Мои флоты, свободные ходить вокругъ земли, содѣлали не нужными тягостные сіи труды. Но чего

ПЕТРЪ не могъ изобрѣсть, что ЕКАТЕРИНА колебалась предпріять, Я произведу въ дѣйство, и покажу міру Россію, въ одинъ вѣкъ возникшую на степень просвѣщенныхъ народовъ, возросшую, усилившуюся и водворившую тишину и спокойствіе въ странахъ, которымъ сто лѣтъ назадъ она была неизвѣстна.

Россіи должно сражаться не для пріобрѣтенія новыхъ царствъ; нѣтъ, она довольно обширна, но для возстановленія *порядка вещей*, безъ котораго никакая держава не можетъ быть увѣрена въ своей прочности. ЕКАТЕРИНА завоевала, а Мнѣ должно утверждать. Не о томъ долженъ Я мыслить, чтобы удалить Забыфоръ, послѣдователей той вѣры, которая не можетъ уже распространиться и повсюду раждаетъ

новыхъ себѣ послѣдователей. Чѣмъ далѣе отъ Меня опасность, тѣмъ великодушнѣе поспѣшимъ искоренять зло. Ежели неизвѣстныя Мнѣ намѣренія, такъ часто предпріемлемыя и разрушаемыя, препятствовали Государямъ, сосѣдственнымъ съ Франціею, воспротивиться все пожирающей славѣ, ихъ угрожающей; ежели Имперія взирала до сихъ поръ на сію огнедышущую гору съ безпечностію, подобною безпечности жителей Помпеи и Геркулана, въ то время, когда Везувій ихъ поглотила; ежели такое множество покоренныхъ странъ, бѣгущихъ владѣтелей, изумленныхъ Монарховъ, взволнованныхъ народовъ, не имѣютъ довольно спокойствія духа, чтобы взирать на опасность и узрѣть истину въ ужасномъ ея видѣ: то одинъ Я могу воспользоваться-

ся Моимъ спокойствіемъ и показать вселенной, что ПЕТРЪ соединилъ Россію съ Европою, а Я Россіею Европу облагодѣтельствовалъ и успокоилъ. Не для мечтательнаго честолюбія пожертвую Я Моими войсками, но для того, чтобы блаженство народа Моего сдѣлать непоколебимымъ, чтобы всѣ части Европы сохранить отъ разрушенія, чтобы уготовить тишину потомству. Эгоистъ изчисляетъ выгоды единовременныя и личныя; но Геній занимается вѣчностію и міромъ. ЕКАТЕРИНА семь лѣтъ чувствовала нужду совершить сей подвигъ, и семь лѣтъ пребыла въ нерѣшимости отъ того, что Она была обременена тридцатью четырью годами безпрерывныхъ успѣховъ и громкой славы. Но для Меня путь славы едва отверзает-

ся; Я не упущу случая, который два раза въ жизни быть не можетъ. Я увижу великость опасности, и соразмѣрю съ нею Мое вспомоществованіе.

Одна любовь къ миру и человѣчеству будетъ управлять Моими дѣяніями, и тѣмъ славнѣе будетъ путь Мой. Я соединю раздѣленную Европу и удостоюсь быть Агамемноном; войною дамъ миръ всѣмъ державамъ, буду посредникомъ онаго и достигну той степени политическаго величія, которыхъ искали Мои предшественники....

Будучи обладателемъ пространнѣйшаго государства въ мірѣ, наслѣдникомъ *величайшихъ* изъ Монарховъ, ежели возмогу Я успокоить ужасную бурю, грозившую разрушеніемъ общественной системѣ, то

можетъ быть нѣкогда Европа, вышедшая изъ ослѣпленія и стыдящаяся заблужденія своего, скажетъ: ЕКАТЕРИНА была вторымъ ПЕТРОМЪ для Россіи; а Наслѣдникъ Ея явилъ Себя достоинымъ *обѣихъ*.

КОНЕЦЪ.

На Никольской улицѣ въ книжной лавкѣ Приказа Общественнаго Призрѣнія у книгопродавца Федора Свѣшникова вступили въ продажу книги:

1. Почта духовъ или ученая нравственная и критическая переписка, 4 части, цѣна 5 руб. 30 коп.
2. О уединеніи относительно къ разуму и сердцу, твореніе Г-на Цимермана, 2 части, 3 руб. 80 коп.
3. Велисарій Г-на Мармонтеля съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ статей нравственной Философіи того же сочинителя, новый переводъ съ Французскаго съ картинкою, въ переп. 2 руб.
4. Ручной дорожникъ отъ Москвы до Петербурга для употребленія на пути между Императорскими Всероссійскими столицами, дающій о городахъ, по оному лежащихъ, извѣстія историческія, географическія и политическія съ описаніемъ обывателей обрядовъ, одеждъ, нарѣчій и видовъ лучшихъ мѣстъ; въ переп. 2 руб. 20 коп.

5. Генріэтта или гусарское похищеніе: приключеніе происходившее во время послѣдней войны у Прусаковъ съ Цесарцами, 2 руб. 10 коп.
6. Золотое зеркало или цари Шишанскіе, истинная повѣсть сочинен. Г-на Виланда, 4 час. 3 руб. 50 коп.
7. Опера: Князь невидимка или личарди волшебникъ въ 4 хъ дѣйствіяхъ, цѣна 1 руб. 30 коп.
8. Переписка Екатерины великія съ Г-номъ Волтеромъ, съ присовокупленіемъ писемъ къ Г-ну Волтеру отъ Его Величества Станислава Лесчинскаго, Короля Польскаго, Герцога Лоренскаго и Баварскаго, отъ Ея Высочества Елисаветы, Принцессы Ангалтцербтской, матери Россійской Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II, отъ Ея Величества Королевы Шведской Улрихи, Принцессы Прусской, отъ Его Высочества Курфистра Палатина Карла Феодора, отъ Его Величества Короля Датскаго Христіана VII, отъ Его Величества Короля Шведскаго Густава III и отвѣты Г-на Волтера на всѣ оныя письма съ портретомъ, 2 части. М. въ перен. 4 руб.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111